

Крах управляющего Ангевича

До того, как Кемрудник стал аиковским, он подчинялся, в числе других рудников Кузбасса, управляющему севгруппой рудников Ангевичу.

Неслыханная удача Рутгерса, вырвавшего у «верхов» автономию АИКа и впридачу — кемеровские шахты, совпала по времени со скандальным смещением Ангевича, звезда коего, что называется, закатилась навсегда.

Смещение наделало много шума, но Рутгерс мог радоваться удаче: если бы Ангевич не скомпрометировал себя в глазах партмассы, передача Кемрудника Рутгерсу не произошла бы так быстро.

Делом Ангевича интересовались также краевые организации. 5 апреля 1923 г. член комфракции Сиббюро ЦК ВСГ Баранов в совершенно секретном письме в комфракцию кемеровского райкома ВСГ пытался установить, какое досье хранится в Кемерове на Ангевича и нельзя ли его переслать в Сиббюро, о чем кемеровские профсоюзы тут же известили райком РКП. Баранов писал: «Комфракция Сиббюро ЦК ВСГ настоящим просит вас срочно сообщить результаты по протоколу № 4 от 7 августа 1922 г. по п. 7-б, а также просит срочно прислать все имеющиеся у вас материалы о деятельности бывшего управгруппой Ангевича. Материалы требуются в срочном порядке, а посему просим их немедленно выслать с вам мнением в комфракцию Сиббюро ЦК ВСГ».⁸¹⁶

В райкоме РКП компромат на Ангевича нашелся. Как ни странно, он касался приехавших в Кузбасс иностранцев, с которыми Ангевич не хотел иметь никаких дел, и даже демонстративно уходил с заседаний, на которых

присутствовали американцы. В подтверждение сказанного приводим выписку из постановления заседания президиума райкома РКП за 6 февраля (число месяца напечатано римскими цифрами, так что, возможно, правильно — 6 ноября) 1922 г.: «Обсудив т. Ангевич как лена РКП, члена президиума райкома, т. Ангевич 5/II (5 февраля? 5 ноября? — авт.), будучи на объединенном заседании, созванном уполномоченным американской группы рабочих, на заседании присутствовали из Щеглово Политбюро, исполком, Уком, профсоюз, райком РКП и американцы, на повестке дня стоял ряд вопросов и тов. Ангевич оставил заседание, т. Ангевич своим уходом ярко подчеркнул, что он не желает иметь дело с тов. американцами, а также т. Ангевич поставил в дурацкое положение райком РКП и райком горнорабочих, почему президиум райкома РКП также явление считает недопустимым и призывает т. Ангевича к порядку и выносит выговор».⁸¹⁷

Итак, Ангевич ненавидел американцев. И за это пострадал. Впрочем, — отдуваться ему пришлось не только за разжигание национальной розни. Ангевич разрешил провести в церковь электрическое освещение. И жестоко за это поплатился — недоброжелатели тут же этим воспользовались. В бумагах райкома хранится некий материал под заголовком «О проведении электричества в церковь». Он не подписанный, но на нем стоит райкомовский исходящий номер, датированный 5 мая 1923 г. Стало быть, его куда-то отсылали. Очевидно, как компромат — в Сиббюро ЦК ВСГ. В материале сказано, что Ангевич то и дело «пытался подложить свинью» (буквально, так и записано) местным парторганам. Парторганы ничего не забывают. Пришел их

черед отыгаться за «подложенную свинью». «Тов. Лопарев, — говорится в материале, — говорит следующее: рабочая масса недовольна проведением электричества в церковь и устройства там христос воскрес, такие вещи недопустимы со стороны члена РКП т. Ангевича, он своими поступками нарушает правильную работу по антирелигиозной пропаганде, далее рабочая масса говорит определенно, что вы, коммунисты, ведете агитацию против религии, а сами ее распространяете, т. Шкляев ходил к тов. Ангевичу, почему он проводит электричество, он ему сказал, что он его отпустил на 3 дня за деньги, товарищ на этом успокоился, но я считаю, такие вещи недопустимыми, я усматриваю, что здесь товарищ идет вразрез с организацией».

Интересно, что американцы бывшим спецам и руководителям рудника и химзавода (Ангевичу, Лоханскому) платили той же монетой, — т.е. ненавидели их также люто. Рутгерс сводил счета «с бывшими хозяевами» (документы мы уже цитировали), причем намекал, что бывшие спецы были чуть ли не вредителями. История с электрическим освещением местной церкви (чему, кстати, поспособствовал и инженер Лоханский) была лишь поводом для того, чтобы разделаться со старыми «хозяевами» щегловского производства и дать дорогу новым, которые бряцали своими связями с Кремлем. Далее в компромате на Ангевича сообщалось: «Тов. Ангевич уже не раз делал нелепости и у нас стоял вопрос об исключении его из членов РКП, но на последнем заседании президиума 4 апреля т. Ангевич на предложенный ему ряд вопросов вполне согласился и так сказать, должен он рабочим так, как полагается коммунисту, но он этого все же не делает и только удалось уехать в

Томск, как он опять подложил свинью организации, а посему я высказываюсь за исключение его из партии. Тов. Степанов говорит, что этих материалов недостаточно, чтобы исключить его только за то, что он провел электричество, если исключить, то нужно собрать все материалы о старых проделках т. Ангевича, и тов. Ангевич человек сильный и если вы его исключите из партии, то он будет восстановлен высшими организациями и вы попадете в неловкое положение и тов. Степанов вносит предложение дать строгий выговор т. Ангевичу с занесением в партбилет и опубликовать в печати, предложение принимается».⁸¹⁸

«Бабье влияние». — Правление Рутгерса многим казалось необычным. Мало того, что на смену аппарату Ангевича поставили иностранцев, что вызывало немалое удивление, так еще наделили большой властью и полномочиями «бабу» — личную секретаршу (а по другим документам — и «личную женщину») Себальда Рутгерса. Бронка Корнблит активно вмешивалась во все производственные и общественные дела, выступала с докладами, и местные партийные и хозяйственные кадры, не привыкшие еще видеть женщину на ответственном посту, должно быть, сильно возмущались. Многим, конечно, не хотелось находиться «под бабьим влиянием». О том, какое большое место в жизни небольших, но все-таки — чинов «мужеска пола» имело самолюбие, можем судить по письму завхоза больницы Кемрудника К. Артамонова в райком ВСГ от 2 мая 1923 г. Артамонов о себе сообщал, что проживает в бараке № 15 и сильно недоволен, что им по службе «командует баба», некая Авдеева, поэтому он «за дальнейшее не ручается» и

предупреждает, «что может что-то произойти»: «Настоящим прошу фракцию ВСГ убрать меня с должности завхоза больницы Кемрудника, так как при неправильном распоряжении зав. отделом и выслушивании разных сплетен Авдеевой я больше служить не могу, так как у нас уже возник маленький конфликт, а если я еще буду дальше служить, то может повториться посильнее, так как под бабьим влиянием я не хочу быть, если она делает несправедливо и тянуться перед ней я не в состоянии и в дальнейшем я на себя не надеюсь и унижать себя не буду, а если не уберете, то за дальнейшее не ручаюсь, если не подвернете им гайки, они привыкли играть на больной струнке, убедительно прошу еще раз убрать меня». ⁸¹⁹